

ШЕЛ очередной пленум Союза кинематографистов, уже после распада СССР. На сцену в президиум поднялась **Вия АРТМАНЕ**, и все мужчины, точно по команде, поднялись, и каждый стал целовать ей руку. «Королева!» - восхищенно вздохнул рядом мой коллега. Через полгода Вие Артмане - 70. Народной артисткой она стала в сорок, была кандидатом в члены ЦК компартии Латвии, депутатом. Когда-то ею восхищалась вся страна. Приехав на два дня в Москву, актриса согласилась дать это интервью нашей газете.

- А как вы думаете, почему к вам такое отношение?
- Я не знаю. Я не принадлежу ни к какой партии. Не занимаюсь политиканством. Хотя раньше была очень активным общественным деятелем. За это меня упрекают. Мол, в советское время вы были великой и вам все давалось...

Я стала наконец-то улыбаться! Когда ко мне подходят и спрашивают, как я поживаю, я неизменно отвечаю: «Спасибо, очень хорошо». Главное - что я жива и здорова. Не думаю, что нечистому, попытавшемуся одолеть меня, это нравится. Но хватит с него. Пусть уже от меня отстанет. Вчера я побывала в храме

гордилась, что я латышка, когда меня россияне просили прочесть что-нибудь на латышском языке. Вот этого мне не хватает. Об этом я жалею.
- Прежде вы были не чужды политике...
- Что касается политики... Не могу сказать, что я теперь ее презираю. Нет. Это умное дело - политика. Другое дело,

нежность, которой мне не хватало, я от них получала. От того же Жени Матвеева в «Родной крови». А иначе сыграть было бы невозможно.

Мой муж - мы играли с ним в одном театре - был очень ревнивым. Потому что был очень грешным, между прочим. Еще до меня. Я была на много лет моложе его. Он не был таким, о каком я мечтала и кого я бы хотела иметь рядом, но я смирилась. Да... Судьба у меня вообще удалась. Но полностью счастливой я себя никогда не чувствовала. Может быть, потому, что хорошего женского счастья у меня никогда не было. Меня никто не щадил. Кроме мамы. А мужчины рядом не было. Был актер. Отец моих детей. Но любимого, нежного мужчины рядом со мной не было. Могу сказать об этом совершенно откровенно. Бог простит. Дети об этом знают, и сейчас, когда они выросли и что-то испытывали в своей жизни, поняли меня.

- Как складываются ваши взаимоотношения с детьми? Вы дружите?

- К счастью, да. Сын пишет песни. Сейчас пишет либретто к рок-опере «Парижская Богоматерь». Дочь Кристиана - художник. У меня трое внуков. Дети очень чтут память отца. Говорят: «Мамочка, извини, мы, наверно, тебя оскорбляем, хорошо говоря об отце». А это совсем не так.

Когда умер муж и я его хоронила, у меня не было ни единой слезы. И тетки в театре говорили за моей спиной: «Смотрите, не плачет. Значит, не любила». А я только через две недели ощутила, что его нет. И никогда не будет. Тогда я начала плакать. Долго. Пусть мне не говорят, что великое горе непременно надо метить плачем. Есть горе, которое выражается не в слезах.

- Чем вы сегодня занимаетесь?

- Перешла в новый театр - Рижский молодежный. Ушла из Художественного театра, где проработала 50 лет. У меня сейчас ощущение, что я вернулась в юность. Сыграла там «Пиковую даму». На латышском языке. Надеюсь, что великий поэт простит меня.

- Какая зарплата у вас в театре?

- Маленькая. Все. Об этом говорить не хочу. Зритель не должен об этом знать.

Игорь ИЗГАРШЕВ

Вия Артмане, бездомная королева

- То есть идет целенаправленная травля?

- Да. И я ничего не могу поделать. Не могу спастись. Мой сын написал статью в газету «Сколько стоит Вия Артмане?» Поднял огромный шум, призвал опомниться. Во время моего депутатства сотни людей полужили в квартирах. Я считала себя обязанной по-

Фото Сергея Иванова

мочь людям. А иначе зачем меня было избирать? Я думала, что добрые дела как-то отзвучат. Ничего подобного.

Не могу простить себе одного - того, что позволила страшную бестактность: показала, что мне больно. Никогда в жизни не позволяла себе этого. Сколько раз было больно, тяжело, а я улыбалась. Но здесь не выдержала. А люди не любят этого. Актрисе хотят видеть только счастливой, наряженной.

Такие люди, как я, обычно не нравятся. Нравятся те, кто требует защиты. А гордых не любят... У меня всю жизнь был девиз: «Недруг возрадуется твоей слабости, а друг будет презирать».

- И что же, никто вам не посочувствовал?

- Я получила много писем из России, вплоть до Воркуты. Пишут молодые люди. Не ожидала, что меня еще помнят.

Христа Спасителя. Когда вышла на улицу, все свои деньги раздала нищим.

Налили мне святой водички, я ею умываюсь, пью. Верю, что Россия еще оживет. Может, я и наивная. Но актеры вообще наивные.

- А ваши внуки бывают в России, в Москве?

- В позапрошлом году со своей 10-летней внучкой я заехала на день в Москву. Она сказала: «Бабушка, единственное, что я хочу увидеть в Москве, это театр мумии». Я удивилась. А она пояснила, что имеет в виду мавзолей Ленина.

- А у вас не было мысли перебраться в Москву?

- Нет, этого никогда не было, хотя мне предлагали.

- Ну о чем-то вы наверняка жалеете?

- Сейчас мне не хватает пространства. Нет того зрителя, того простора. В России

как ее делают. Бывают, увы, гадкие приемы.

- У вас удивительная судьба, Вия Францевна. Вы родились в небогатой семье...

- Я сироткой родилась. Через четыре месяца после смерти отца, умершего в девятнадцать лет. Детство было нелегким. Мать - полька, отец - из прибалтийских немцев. Правда, я всегда выглядела какой-то «высокопоставленной», что ли, девочкой. Видимо, что-то было в крови. Мама одевала меня так, чтобы все думали, что я из обеспеченной семьи. Хотя на самом деле все было наоборот. Мама очень не хотела, чтобы я стала актрисой. Ей казалось, что актрисы - распутные женщины. Когда я поступила в театральную студию, она плакала.

Жизнь у меня была совсем не богатой. Но я справлялась. Очень рано стала работать. Я жила в хуторе у бездетных хозяев. Научилась делать все. Пять лет работала пастухом. Зарабатывала деньги, на которые мы с мамой могли жить зиму.

- О такой красивой женщине, как вы, не может не быть всевозможных сплетен. Как вы на это реагировали?

- Меня, например, называли любовницей Брежнева. Говорили, что у меня к нему есть прямой телефонный провод. На такие слухи я реагировала со смехом. Мне говорили: «Ты знаешь, ведь Брежнев - великий бабник!» - «Разве?» - говорила я. - А мне так не показалось. По-моему, шикарный дядька».

Моя жизнь была счастливой, потому что я любила своих партнеров. Искала в них мужчину, которого не было рядом и кого хотела иметь. И

- Я ЧИТАЮ ваш «АиФ» с тех пор, как вы были книжечкой. Когда зять едет ко мне на дачу, я говорю: «Привези «АиФ». Иначе умру». Напишите об этом, пожалуйста, в нашем интервью.

- Вия Францевна, вы возвращаетесь домой в Латвию. А вам хочется туда ехать?

- Да. Очень хочется.

- А как же то, что вас выгнали из квартиры?

- Да, так действительно было. У нас сейчас происходит неонационализация, когда прежним хозяевам, выселенным из своих владений после воцарения советской власти, возвращают их собственность. Моя семья сорок семь лет прожила в одном из таких домов. И вдруг появился человек, назвавший себя потомком владельца дома. Это все произошло в девяносто третьем году. Дом ему вернули, а он заложил его сразу в несколько банков. И банки, чтобы вернуть свои деньги, стали требовать их с нас. Мы забунтовали. Дошло до того, что в доме отключили отопление. Зимой в комнатах было 8 градусов. Кроме того, прохудилась крыша, домоуправление чинить ее отказывалось. А мы жили как раз на последнем этаже. Все мои картины, мебель испортились. Мне было негде ночевать.

Я терпела-терпела, а потом взяла внучку, перевела ее в сельскую школу и переехала в наш летний домик в селе. Но и ему уже сто лет, и он не приспособлен для зимы. Но что делать - пришлось приспособиться.

Накануне своего семидесятилетия я должна начинать свою жизнь по-новому, с нуля. Не так давно мне наконец предоставили выгоревшую квартиру в центре города. Мы сделали в ней хороший ремонт. Но теперь должны выплачивать за эту квартиру где-то по двести долларов в месяц. А для нас это сложно. Разумеется, я чувствую себя ужасно. За последние три года перенесла два инсульта и один инфаркт, только-только вышла из больницы.